

УДК 327.2

В. В. Попков

д-р филос. наук, профессор,
академик Академии наук высшей школы Украины,
заведующий кафедрой политологии
ОНУ имени И. И. Мечникова,
к. 38, Французский бульвар, 24/26,
г. Одесса, 65058, Украина
Тел.: (380482)684373
E-mail: vpopkov951@gmail.com

И. Н. Ткачук

аспирант кафедры политологии
ОНУ имени И. И. Мечникова,
к. 38, Французский бульвар, 24/26,
г. Одесса, 65058, Украина
Тел.: (380482)684373
DOI: [http://dx.doi.org/10.18524/2304-1439.2018.2\(31\).144315](http://dx.doi.org/10.18524/2304-1439.2018.2(31).144315)

ПРИНЦИП ИНКЛЮЗИВНОСТИ В ГЛОБАЛЬНОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ

В статье дается анализ одного из трех принципов формирования политических стратегий в XXI веке — принципа *инклюзивности* (стремление субъектов глобального политического процесса включить в сферу своего влияния как можно более широкий круг объектов политической стратегии — народов, государств, культур, экономик). Авторы приходят к выводу о том, что политическая реальность XXI столетия скорее всего будет определяться противоборством нескольких отчетливо выраженных инклюзивных парадигм.

Ключевые слова: инклюзивность, эксклюзивность, конклюзивность, парадигма, цивилизация.

Постановка проблемы. Все многообразие глобальных политических стратегий, которые осуществлялись в прошлом и продолжают осуществляться в настоящее время, можно условно разделить на три основных направления, опирающиеся на три основных принципа.

Первый принцип можно определить как *инклюзивизм* (от англ. to include — включить). Смысл политики *инклюзивизма* заключается в стремлении субъектов глобального политического процесса включить в сферу своего влияния, доминирования, управления как можно более широкий круг народов, государств, культур, экономик, превратив их в ресурс для собственного развития и процветания.

Второй принцип можно определить как *эксклюзивизм* (от англ. to exclude — исключить). Смысл политики *эксклюзивизма* сводится к стремлению субъектов политики освободить себя от внешней зависимости, исключить из своей социокультурной жизни инородные культурные и идео-

логические влияния, обособить себя от всего того, что подрывает основы самостоятельного мышления и поведения.

Третий принцип можно определить как *конклюзивизм* (от англ. to conclude — обобщать, заключать). Его смысл заключается в выработке согласованного взаимодействия всех политических акторов с учетом их интересов, социокультурных особенностей и ценностных ориентаций. В идеале просматривается формирование глобальной *конклюзивной* модели поведения, основанной на системе «точек соприкосновения», выработке неких общих свойств и общей модели поведения для всех участников политического процесса.

Цель работы. В данной статье мы остановимся на анализе первого принципа, определенного как *принцип инклюзивности*.

Анализ актуальной литературы и методология исследования. Аргументация многих ведущих западных теоретиков выстроена именно на основе принципа *инклюзивности*. Так, еще в начале 1989 года в 16 номере ежеквартального журнала «The National Interest» появилась статья абсолютно неизвестного тогда автора — Френсиса Фукуямы — под несколько провокационным заголовком «Конец истории?». Эта статья превратила ее автора в звезду постмодернистской политической философии. А два года спустя появилась его одноименная книга, в которой получили развитие основные тезисы статьи.

Фукуяма предпринял попытку воскресить тезис Гегеля о «конце истории». Его основным положением было то, что Гегель не ошибался, когда описывал историю в виде телеологического процесса, смысл которого заключается в развитии «сознания свободы» или «идеологии свободы». Ошибка Гегеля заключалась лишь в том, что он слишком рано и преждевременно заявил о «конце истории». За «исторический финал» он принял промежуточные идеи и институты конституционной монархии, которая воцарилась в Западной Европе после наполеоновских войн. Именно конституционную монархию образца европейского «Священного Союза» Гегель воспринял в качестве завершения саморазвития идеи свободы.

Гегель недооценил укоренявшийся в то время либерализм, в основу которого был заложен принцип социального атомизма. Еще одной ошибкой Гегеля, по мнению Фукуямы, было то, что он не заметил усиления идеологии социализма (коммунизма), которая стала набирать силу вплоть до появления международных коммунистических организаций. Не мог Гегель предвидеть и появление фашизма, грозного конкурента коммунистической идеологии.

Однако неведомый Гегелю фашизм был серьезно подорван с окончанием Второй мировой войны, а коммунизм к концу 80-х годов в значительной степени утратил свою привлекательность. После краха этих двух идеологий и их институциональных воплощений Фукуяма не видит в остальных идеологиях (религиозный фундаментализм, национализм и пр.) серьезных конкурентов идеологии либерализма. Все они, с его точки зрения, не способны дать привлекательную альтернативу либеральной идее свободы.

Следовательно, глобальная победа либерализма и есть финал исторического развития. «Конечным пунктом» социальной и идеологической эво-

люции человечества стала западная либерально-демократическая форма правления, и все дальнейшие исторические события станут лишь процессом «редупликации» и распространения этой модели на весь мир [5]. Таким образом, Фукуяма претендовал на роль «постмодернистского Гегеля».

Примечательно, что и противник Ф. Фукуямы С. Хантингтон (с его призывами к Западу отказаться от инклюзивистских претензий на весь мир), за несколько лет до публикации своей книги «Столкновение цивилизаций», также был сторонником либерального «конца истории». В своей книге «Третья волна. Демократизация в конце XX столетия», изданной в 1991 году, он подчеркивал, что процесс либерализации, инициированный западной цивилизацией, охватит все человечество [6, с. 231]. Правда, впоследствии С. Хантингтон обратился к методологии эксклюзивизма в своей книге «Столкновение цивилизаций».

Еще более триумфалистски настроенным был З. Бжезинский, считавший, что Запад и, прежде всего, США, являются «локомотивом» коренных социально-политических преобразований во всем мире. «Мой главный тезис, — отмечает З. Бжезинский, — относительно роли Америки в мире прост: американское могущество — решающий фактор в обеспечении национального суверенитета страны — является сегодня высшей гарантией глобальной стабильности» [1, с. 7].

Бжезинский был убежден в том, что технико-экономическая мощь Америки, стимулируемая динамикой ее общественного развития, способна создать мирное новое сообщество, основанное на совместных интересах и ценностях. Все зависит от степени включенности (инклюзивности) остальных стран в западный (американский) глобальный проект.

Ту же линию продолжает американский политолог Дж. Фридман. В своей книге «Следующие 100 лет» он предполагает, что Северная Америка будет центром притяжения международной системы на ближайшие несколько веков. Из неспешно развивающейся страны Америка превратилась в государство с экономикой, по объему превышающей экономический потенциал Японии, Германии и Великобритании вместе взятых. В военном отношении США проделали путь от незначительного влияния до полного господства на Земном шаре. Политика США затрагивает практически все, что происходит в современном мире.

Страна, чьи берега омываются двумя океанами, стала ведущим игроком современности по той же причине, по которой Британия доминировала в XIX веке. США (как и Британия) буквально «живут» на море, которое они призваны контролировать. Вторая половина XX века была ознаменована постепенным переходом США и других экономически развитых стран к «информационному обществу», «веку информации», «постиндустриальной эре», что только усилило «эффект притяжения» для всего остального мира [3, с. 217].

С позиций технологического оптимизма свою инклюзивистскую доктрину излагает Э. Тоффлер. Он полагает, что в настоящее время «даже самые тупые наблюдатели не могут не видеть, что экономика США и ряда других стран трансформируется, превращаясь в «интеллектуальную экономику, управляемую разумом» [2, с. 6]. Мир, с точки зрения Тоффлера, пере-

живает радикальный переворот, сравнимый с промышленной революцией первой половины XIX века, но существенно ее превосходящий.

Об информационном обществе как основе глобального инклюзивного процесса кроме Э. и Х. Тоффлеров в позитивном плане писали: Д. Н. Гингрич [9], Эл. Гор, Н. Негропonte [10] и многие другие. Они указывали на технотронные изменения, которые благоприятны для процветания общества, развития демократии, свободы и самореализации личности в масштабах всей планеты.

Изложение основного материала. Общей тональностью приведенных здесь суждений является то, что инклюзивизм является, пожалуй, одним из наиболее традиционных стилей международного поведения. Начиная с эпохи древних цивилизаций, расположенных между Тигром и Евфратом, Хуанхэ и Янцзы, в долинах Нила, а позднее на Пелопоннесе, Апеннинском полуострове, просторах Центральной Азии и Мезоамерики (этот список можно продолжить), «рефлекс инклюзива» действовал постоянно.

Примером религиозно-идеологического инклюзивизма были (и являются теперь) мировые религии — христианство, буддизм, ислам. Они самым фундаментальным образом изменили ценностные ориентации и характер общественных отношений на гигантских пространствах планеты.

Христианство охватило территории Западной и Восточной, Южной и Северной Европы, Северной и Южной Америки, части Северной и Южной Африки, Северной Азии, Австралии и Новой Зеландии.

Ислам охватил весь Ближний Восток, подавляющую часть Северной Африки, Переднюю и Центральную Азию, часть Юго-Восточной Азии вплоть до Индонезии.

Однако в наибольшем масштабе и с наибольшей интенсивностью инклюзивистская стратегия проявилась в Новое время в ходе становления и саморазвертывания секуляризованной западноевропейской цивилизации. Именно здесь принцип инклюзивизма получил наиболее глубокую теоретическую разработку и наиболее системное идеологическое обоснование.

Знаковым в этом плане является XVIII век, отмеченный деятельностью идеологов французского Просвещения. Они были уверены в том, что понятие «цивилизация» и «цивилизованность» относятся исключительно к западной цивилизации, а остальной мир является «варварским». Отсюда историческая задача Запада сводилась к миссии «цивилизации» остального мира, то есть включения (инклюзива) его в систему западных ценностей и институтов. На этом постулате, в частности, строилась и британская имперская политика, смысл которой Р. Киплинг выразил тремя словами: «время белого человека».

И хотя после этого прокатились многочисленные волны национально-освободительных революций, разваливших колониальные империи, идеология инклюзивизма сохраняет свое влияние. Современный западный инклюзивизм *приобретает форму теории и практики глобализма*. Эта теория основывается на уверенности в том, что фундаментальным законом развития глобального сообщества является либеральный закон рыночных отношений, демократизации, свободы, утверждения принципов открытого

общества — всех тех ценностей, которые были выработаны в рамках западной цивилизации. А те кризисные проблемы, с которыми столкнулись в начале XXI века западные политические институты, являются временными и преходящими.

При этом обращается внимание на опережающий рост «параллельной» (не измеряемой в деньгах) экономики, связанной с культурой, интеллектом, креативностью. Тысячи изменений формируют новую экономическую систему, новые стили жизни, новую цивилизацию, новую современность. И на положение ядра этой новой системы претендуют США.

Упомянутые в статье исследователи (особенно Э. Тоффлер) полагают, что этот глобальный переход уже производит ряд фундаментальных изменений в мире:

во-первых, в экономике производство все в большей степени вытесняется сферой обслуживания;

во-вторых, роль информации и интеллекта, воплощенных как в людях, так и в самосовершенствующихся интеллектуальных машинах, становится всеобъемлющей, а умственный труд во все большей степени вытесняет различные формы труда физического;

в-третьих, недорогие информационные технологии делают все более свободным распространение информации за пределы национальных границ;

в-четвертых, под воздействием этих процессов производство глобализируется;

в-пятых, размываются границы существовавших в течение долгого времени устойчивых и самозамкнутых культурных сообществ.

Социальный эффект от этих изменений равнозначен «мировой революции». Информационное общество все в большей степени способствует возрастанию настроений свободы и равенства. Свобода выбора все более освобождается от ограничений (свобода выбора кабельных каналов, более оптимальных торговых центров, друзей в социальных сетях, мод, социальных и политических стилей и т. д.).

Начинают распадаться иерархии всех видов (политические, бюрократические, корпоративные и др.). Власть больших негибких бюрократических структур с их жесткими регламентами подрывается переходом к «экономике знания» и «горизонтальной коммуникации». Происходит рост самостоятельности, «суверенности» индивида (благодаря широкому доступу к информации).

Утверждая идею «конца истории» как победу западного инклюзивного проекта, эти авторы не скрывали и теневые, проблемные стороны процесса ультрамодернизации. Уже упоминавшийся здесь Ф. Фукуяма признавал, что переход Запада в постиндустриальную эру привел к деиндустриализации «пояса ржавчины» в США. Такой же отход от промышленности «металла и станка» наблюдался и в других индустриальных странах. Это привело к серьезному ухудшению социальных условий в большей части индустриального мира.

Обращалось внимание на то, что стали расти уровень преступности и масштаб социальной дезорганизации. Центральные районы городов бога-

тейших стран становились почти непригодными для проживания. Резко ускорился упадок родственных связей. Катастрофически упала рождаемость в европейских странах и Японии. Меняющаяся сущность труда (замена физического труда умственным и сервисным) побуждала миллионы женщин искать работу. А это подрывало традиционные представления, на которых основывалась нуклеарная семья. Инновации в медицинских технологиях (противозачаточные таблетки, увеличивающееся долголетие и т. д.) способствовали усилению гедонистических настроений в обществе, снижению значимости семьи и самой идеи продолжения рода в жизни людей. Сократилось количество браков и возросло число разводов (каждый 3-й ребенок в США был рожден вне брака, каждый второй — в странах Скандинавии).

Резко снизилось доверие к общественно-политическим институтам. Связи между людьми становились менее устойчивыми, со снижающимся уровнем обязательств, при убывающем количестве участников. Эти факторы, по мнению Фукуямы, создали «великий разрыв» в социальных ценностях Запада [4].

Одной из наиболее острых ценностных проблем стала культура радикального индивидуализма, которая хотя и способствовала свободе творчества, прогрессу и инновациям (рынок, технологии, смелые лабораторные исследования, творческие импровизации), но в то же время — глубоко деформировала социальную сферу. В конечном итоге это привело к подрыву всех форм власти и ослаблению связей, скрепляющих семьи, соседей и нации. По выражению Йозефа Шумпетера, это «творческое разрушение» повлекло за собой разрушение социальных отношений [8].

Однако эта широко разыгравшаяся социальная драма не воспринимается на Западе как фатальная. Либеральное общество, по мнению сторонников западного инклюзива, обладает устойчивой способностью к саморегенерации. Такие проблемы уже были в истории западных обществ конца XVIII — середины XIX столетия (эпоха промышленного переворота). Тогда тоже резко возрос уровень морального разложения и преступности: семьи распались, количество незаконнорожденных детей росло, люди социально разобщались. Потребление алкоголя, особенно в США, увеличилось и оказалось в расчете на душу населения в 1830 году примерно в три раза большим, чем сегодня. Однако с каждым десятилетием, начиная с середины и до конца XIX в., практически все эти социальные показатели перешли к позитивной динамике: уровень преступности упал, укрепились семьи, алкоголики стали бросать пить, возникали все новые добровольные ассоциации, возвратившие людям ощущение общности.

Современные сторонники западного инклюзивизма обращаются к опыту многовековой истории, который говорит о том, что социальный порядок, однажды подорванный, стремится переустроиться заново. Человечество неизменно выживает благодаря своему «базовому инстинкту» — способности к самоорганизации. Люди генетически настроены на то, чтобы формировать моральные правила для образования общностей. Кроме того, они по своей природе — рациональны. Это позволяет им спонтанно создавать и рекомбинировать различные способы коммуникации друг с другом.

По мнению Фукуямы, естественное состояние человеческого сообщества есть такое состояние, которое упорядочено множеством моральных правил и запретов. Это не «война всех против всех» (Т. Гоббс), а скорее натуральное «гражданское общество» (Дж. Локк). Этот тезис подтверждается новейшими исследованиями в области нейрофизиологии, генетики поведения, эволюционной биологии, этологии, в рамках биологически ориентированных подходов в антропологии и психологии. Общий вывод этих исследований таков: социальный порядок возникает как следствие спонтанной *самоорганизации независимых индивидов*. И никакие искусственно привнесенные извне формы организации не имеют шансов на длительный результат.

Принцип самоорганизации особенно сочетается с условиями информационного общества. Здесь ни правительства, ни корпорации уже не могут добиться результата, полагаясь исключительно на формальные, бюрократические правила. Они вынуждены все больше прибегать к децентрализации властных полномочий и поддержке спонтанных инициатив людей, их неформальных правил и норм поведения. Мир XXI века начинает все более зависеть именно от таких норм. И западный инклюзивизм это учитывает и записывает себе в актив.

Однако возникает естественный вопрос: насколько эффективно принцип инклюзивности работает в условиях явной «культурной дивергенции» современного мира? Известно, что культурный геном США происходит главным образом из «британской корневой системы». Североамериканцы унаследовали не только британские законы, но и британскую культуру. Североамериканская культура создавалась в значительной степени протестантскими сектами. Протестантизм способствовал усилению: а) американского индивидуализма; б) американского «искусства объединяться» (термин А. де Токвилля). Эта американская способность независимых индивидов самоорганизовываться во множество добровольных ассоциаций обеспечивала как стабильность демократических институтов США, так и возможность их дальнейшего развития.

В отличие от США другие страны (Латинская Америка, католическая часть Европы, православная Россия, синтоистская Япония, конфуцианский Китай и т. д.) имеют разное культурное наследие, разные культурные традиции и верования. Коренные различия в стилях жизни и политических предпочтениях между ними и США — продукт различных религиозных систем и различных «исторических опытов».

Проблема большинства современных национальных демократий как раз и сводится к тому, что они усваивают, как правило, формальные атрибуты западного демократического устройства, в то время как в своей культурной сердцевине остаются незападными. А это в свою очередь весьма определенно «работает» на усиление дивергентных, *экслюзивистских* настроений.

На эту особенность еще в конце XX века указывал С. Хантингтон: «Универсалистские претензии Запада все чаще приводят к конфликтам с другими цивилизациями, особенно с исламом и Китаем. На локальном уровне происходят столкновения на линиях разлома между цивилизациями, стимулирующие сплочение «родственных стран» [6, с. 15–16].

Сегодня эта проблема еще более обостряется под давлением технологических и социокультурных перемен. Индивидуализм, плюрализм и толерантность к любым инновациям без их критического анализа могут подорвать институты многих подражающих Западу незападных обществ. Они вынуждены «играть в догонялки», чтобы постоянно переустраивать себя и приспособливаться к «революционирующим» технологиям и стилям жизни, идущим извне, при этом все более теряя контроль над текущей реальностью.

Все это вызывает вполне обоснованные сомнения в исторической обоснованности тотального усвоения инклюзивных стратегий западного общества. Не приведет ли усвоение «неопределенного нового» к утрате «проверенного и прочно работающего старого» (тем более в условиях нарастающей глобальной нестабильности)? Не получится ли так, что, усвоив новые культурные моды, мы утратим наши национальные смыслы? Эти вопросы особенно радикально и жестко ставят современные «экслюзивисты», сторонники теории «особых путей» в мировом историческом процессе.

Наиболее заметным в этом плане является исламский экслюзивизм, который вообще заявляет об «альтернативной глобализации» и радикальном исключении «западного проекта» из мировой истории. Все больший интерес в мире вызывает также китайская модель глобализации, которая не исключает из исторического процесса западную культурную составляющую, но предлагает переформатировать всю систему международных отношений на основе общечеловеческих принципов понимания, уважения, сотрудничества и кооперации, которые разделяет и даосско-конфуцианская культурная традиция.

Отметим, что оба этих проекта, при всей их экслюзивности, в конечном итоге ориентированы (каждый по-своему) на новые (незападные) формы инклюзивизма. Исламский инклюзивизм предполагает включение в орбиту своего культурно-религиозного и политического влияния как можно более широкого круга народов и государств, готовых к принятию исламской религии. Китайский инклюзивизм предполагает глобальный охват мировой экономики через систему транснациональной кооперации и взаимовыгодного сотрудничества на основе реализации международных гиперпроектов (наподобие проекта «Один пояс — один путь»).

В любом случае в будущих десятилетиях XXI века политическая реальность будет приобретать совершенно иные контуры, чем те, которые сложились в процессе многолетней реализации инклюзивной стратегии западного сообщества.

Выводы. Появление идеологии глобализма во многом основано на принципе инклюзивизма, получившем свое обоснование и развитие начиная с эпохи французского Просвещения и вплоть до настоящего времени. Западный инклюзивизм основан на убеждении в финальном торжестве либеральных принципов социальной организации. На этой основе глобализация имеет вполне определенный социально-политический контекст — включение всего мира в систему западных ценностей, институтов и экономических структур как «наиболее эффективных». Для обоснования этого За-

пад располагает достаточно разработанной концептуальной базой. Главный смысл этих концепций сводится к утверждению о том, что Запад дал миру универсальный свод политических ценностей и институтов, а успех или неуспех развития незападных цивилизаций и стран зависит от степени их включенности или невключенности в западную политическую модель (то есть от степени их инклюзивности).

Однако в начале XXI столетия происходит радикальная трансформация технологических и социально-политических отношений, которые ставят под сомнение эффективность западной инклюзивистской модели. Все ныне существующие цивилизации, национальные сообщества и государства как никогда ранее ощущают свою уникальность, исключительность. Они все более отчетливо осознают, что любое одностороннее и некритическое включение одной цивилизации в систему ценностей другой цивилизации обречено на историческую неудачу.

В итоге политическая реальность XXI столетия скорее всего будет определяться противоборством нескольких системно оформленных инклюзивных парадигм.

Список использованной литературы

1. Бжезинский З. Великая Шахматная доска: пер. с англ. М.: Международные отношения, 1998. 254 с.
2. Тоффлер Э., Тоффлер Х. Революционное богатство: пер. с англ. М.: АСТ, 2008. 569 с.
3. Фридман Дж. Следующие 100 лет: прогноз событий XXI века: пер с англ. М.: Эксмо, 2010. 326 с
4. Фукуяма Ф. Великий разрыв: пер. с англ. М.: АСТ, 2003. 476 с.
5. Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек: пер. с англ. М.: АСТ, 2005. 588 с.
6. Хантингтон С. Третья волна. Демократизация в начале XXI века: пер. с англ. М.: РОСПЭН, 2003. 368 с.
7. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций: пер. с англ. М.: АСТ: 2003, 604 с.
8. Шумпетер Й. А. Капитализм, Социализм и Демократия: пер. с англ. М.: Экономика, 1995. 540 с.
9. A few words with Newt Gingrich by Gregory Anderson. *The Space Review*. 2006. May 15. <http://www.thespacereview.com/article/623/1> (дата обращения 2.08.2018)
10. Negroponte N. *The Architecture Machine: Towards a More Human Environment*. Cambridge, Mass.: MIT Press, 1973.

References

1. Bzhezinskij, Zbignej. Velikaya SHakhmatnaya doska. Per. s angl. M: Mezhdunarodnye ot-nosheniya, 1998.
2. Toffler, EHLvin and KHejdi Toffler. Revolyutsionnoe bogatstvo. Per. s angl. — M.: AST, 2008.
3. Fridman Dzh. Sleduyushhie 100 let: prognoz sobytij KHKH1 veka. Per s angl. M.: EHksmo, 2010..
4. Fukuyama F. Velikij razryv. Per. s angl M.: AST, 2003.
5. Fukuyama F. Konets istorii i poslednij chelovek. Per. s angl. M.: AST, 2005.
6. KHantington S. Tret'ya volna. Demokratizatsiya v nachale KHKH1 veka. Per s angl. M.: ROSPEHN, 2003.
7. Khantington S. Stolknovenie tsivilizatsij / S. KHantington, per. s angl. — M.:AST: 2003, — 604 s.

8. SHumpeter J. A. Kapitalizm, Sotsializm i Demokratiya. J. A. SHumpeter; per. s angl. — М.: ЕНkonomika, 1995. 540 s
9. A few words with Newt Gingrich by Gregory Anderson. *The Space Review* May 15, 2006. Accessed August 2, 2018. <http://www.thespacereview.com/article/623/1>
10. Negroponte, N. *The Architecture Machine: Towards a More Human Environment*. Cambridge, Mass: MIT Press, 1973.

Стаття надійшла до редакції 17.08.2018

В. В. Попков

кафедра політології ОНУ імені І. І. Мечникова
к. 38, Французький бул., 24/26, м. Одеса, 65058, Україна

И. Н. Ткачук

кафедра політології ОНУ імені І. І. Мечникова
к. 38, Французький бул., 24/26, м. Одеса, 65058, Україна

ПРИНЦИП ІНКЛЮЗИВНОСТІ В ГЛОБАЛЬНОМУ ПОЛІТИЧНОМУ ПРОЦЕСІ

Резюме

У статті дається аналіз одного з трьох принципів формування політичних стратегій в ХХІ столітті — принципа інклюзивності (прагнення суб'єктів глобального політичного процесу включити в сферу свого впливу якомога ширше коло об'єктів політичної стратегії — народів, держав, культур, економік).

Поява ідеології глобалізму багато в чому ґрунтується на принципі інклюзива, що отримав розвиток починаючи з епохи французького Просвітництва і аж до теперішнього часу. Західній інклюзив заснований на переконанні в фінальному торжестві ліберальних принципів соціальної організації. На цій основі глобалізація має цілком певний соціально-політичний контекст — включення всього світу в систему західних цінностей, інститутів і економічних структур як «найбільш ефективних».

Для обґрунтування цього Захід має досить розроблену концептуальну базу. Головний сенс цих концепцій зводиться до твердження про те, що Захід дав світові універсальний звід політичних цінностей і інститутів, а успіх або неуспіх розвитку незахідних цивілізацій і країн залежить від ступеня їх включення або не-включення в західну політичну модель (тобто від ступеня їх інклюзивних властивостей).

Однак на початку ХХІ століття відбувається радикальна трансформація технологічних і соціально-політичних відносин, які ставлять під сумнів ефективність західної інклюзивістської моделі. Всі нині існуючі цивілізації, національні спільноти і держави як ніколи раніше відчують свою унікальність, винятковість. Вони все більш чітко усвідомлюють, що будь-яке одностороннє і некритичне включення однієї цивілізації в систему цінностей іншої цивілізації приречене на історичну невдачу.

Автори приходять до висновку про те, що політична реальність ХХІ століття швидше за все буде визначатися протиборством кількох чітко виражених інклюзивних парадигм.

Ключові слова: інклюзивність, ексклюзивність, конклюдентність, парадигма, цивілізація.

V. V. Popkov

Department of Political Science,
Odessa I. I. Mechnikov National University,
r.38, French Blvd., 24/26, Odessa, 65058, Ukraine

I. N. Tkachuk

Department of Political Science,
Odessa I. I. Mechnikov National University,
r.38, French Blvd., 24/26, Odessa, 65058, Ukraine

PRINCIPLE OF INCLUSION IN GLOBAL POLITICAL PROCESS

Summary

The article analyzes one of the three principles of the political strategies formation in the 21st century — the principle of inclusiveness (the desire of the global political process subjects to include into their sphere of influence the possible widest range of political strategy objects — peoples, states, cultures, economies).

The emergence of the globalism ideology is largely based on the principle of inclusivism, which has been substantiated and developed since the era of the French Enlightenment and up to the present time. Western inclusivism is based on the belief in the final triumph of the liberal principles of social organization. On this basis, globalization has a very definite social and political context — the inclusion of the whole world in the system of Western values, institutions and economic structures as «the most effective». To justify this, the West has a sufficiently developed conceptual base. The main meaning of these concepts boils down to the assertion that the West gave to the world a universal set of political values and institutions, and the success or failure of the development of non-Western civilizations and countries depends on the degree of their inclusion or non-inclusion in the Western political model (that is, on the degree of their inclusiveness).

However, at the beginning of the 21st century, a radical transformation of technological and socio-political relations, which cast doubt on the effectiveness of the Western inclusive model takes place. All existing civilizations, national communities and states feel their uniqueness and exclusiveness more than ever before. They are increasingly aware that any unilateral and uncritical inclusion of one civilization in the value system of another civilization is doomed to a historic failure.

The authors come to the conclusion that the political reality of the 21st century is likely to be determined by the confrontation of several distinct inclusive paradigms.

Key words: inclusiveness, exclusivity, conclusiveness, paradigm, civilization.